

Получив назначение императора, Линь Цинъюй не медлил ни секунды. Он вернулся в резиденцию Хоу и начал собирать вещи, готовясь официально провести черту между ним и резиденцией Наньань Хоу.

Когда он вышел замуж, то взял с собой только одежду и медицинские книги. Позже он привел с собой еще и Хуань Туна. Теперь все это он заберет при переезде. Остальное было имуществом семьи Лу, которое украли он и этот человек. Серебро хранилось в денежной лавке и обменивалось на серебряные банкноты; антиквариат, каллиграфию и картины, документы на сельскохозяйственные угодья, магазины и дома, а также то, что осталось от приданого Вэнь Ши, он все забирал с собой.

Несколько управляющих большую часть дня составляли опись всех предметов, но все еще не смогли закончить. Просто было слишком много вещей. Когда Линь Цинъюй наблюдал, как они упаковывают вещи в коробки, в его сердце поднялось чувство мстительного удовлетворения.

Естественно, ему не нужно было так много денег. Ни один из его родителей не был экстравагантным и расточительным человеком, и ему самому не на что было тратить эти деньги. Но он скорее отдал бы все эти деньги нищим у дороги, чем оставил бы их резиденции Наньань Хоу.

Эти богатства были даны ему этим человеком. Почему он должен оставлять их?

Пань Ши все это время занималась делами Линь Цинъюй. Она так долго управляла домашним хозяйством, что, естественно, знала о семейной собственности. Она наблюдала, как Павильон Голубого Ветра практически опустел, поскольку большая часть содержимого склада была вывезена. Она хранила молчание. В этот момент эта ветвь семьи Лу пришла в упадок, благовония перед храмом больше не горят*. В огромной резиденции Хоу остался только один настоящий хозяин. Неважно сколько было денег, какой в этом прок? Она уволила слуг, которые раньше прислуживали Лян Ши и ее детям, и содержание остальных не стоило больших затрат. В конце концов, Линь Цинъюй не полностью опустошил резиденцию Хоу, он оставил им несколько полей и магазинов. Даже полагаясь только на них, ей было достаточно, чтобы всю свою жизнь не пришлось беспокоиться об одежде и еде.

В день отъезда Линь Цинъюй Пань Ши отправилась в Павильон Голубого Ветра, чтобы проводить его.

«Шаоцзюнь... Нет, я должна называть вас императорским лекарем Линь. — Пань Ши мягко улыбнулась. — Я желаю императорскому лекарю Линь всего наилучшего в дальнейшей жизни. Пусть вы станете таким же знаменитым лекарем, как Линь Юань Пань, который своей медицинской практикой помогает людям».

Это может быть немного сложно. С его мелочностью и мстительностью, как он мог стать таким, как его отец?

Линь Цинъюй сказал: «Спасибо. Я позволю Чжан Шицзюаню остаться в резиденции Хоу. Он

может быть вам очень полезен. Если вы не находите это неприятным, то можете позволить ему продолжать помогать вам в ведении домашнего хозяйства».

Несмотря на свой переезд, он все еще хотел сохранить руку в резиденции Хоу. Наньань Хоу много лет служил императору, возможно, его все еще можно будет использовать.

Возможно, Пань Ши поняла более глубокий смысл его слов, но не сказала ни слова, просто кивнув.

Пань Ши была послушным и умным человеком. Линь Цинюй не находил неприятным работать с таким человеком. Видя, что Пань Ши сильно похудела, что в уголках ее глаз начали появляться морщинки, он сказал ей еще несколько слов: «Насколько я помню, вас тогда продали в резиденцию Хоу?»

Пань Ши сказала: «Да. После того как моя мать покинула этот мир, я осталась совсем одна. Даже если бы я не вошла в резиденцию Хоу в качестве наложницы, я бы закончила тем, что служила рабыней или служанкой в другой богатой семье».

«Если вы тоже хотите покинуть резиденцию Хоу, я могу помочь вам найти способ».

На мгновение Пань Ши ошеломленно замерла и крепче сжала шелковый платок в руке.

Видя, что она не стала сразу соглашаться, Линь Цинюй решил, что уже знает ответ: «Или вы хотите продолжать заботиться о Наньань Хоу?»

«Я... — Пань Ши слабо вздохнула и сказала: — Я живу в резиденции Хоу уже больше десяти лет. Это мой дом. Если я уйду, куда еще я могу пойти?»

Линь Цинюй сказал: «Поскольку я помогу вам покинуть резиденцию, я, конечно, позабочусь о том, чтобы ваша будущая жизнь не стала хуже, чем сейчас».

Горько улыбаясь, Пань Ши покачала головой и сказала: «Эта наложница глубоко ценит доброту императорского лекаря Линь. Просто, в конце концов, мастер Хоу — мой муж. Как может женщина бросить своего мужа?»

Линь Цинюй не согласился: «Не существует такого понятия, как неспособность оставить кого-то. Более того, любой человек может хорошо жить без другого. — Он взглянул в ту сторону, где была закреплена мемориальная табличка, и равнодушно сказал: — К этому просто нужно привыкнуть».

Так же, как он живет сейчас. Разве он плохо жил?

Пань Ши не желала покидать резиденцию, но Хуа Лу опустилась на колени и умоляла Линь Цинюй забрать ее с собой. Хуа Лу изначально была служанкой, которую Вэнь Гогун отдал Лу Ваньчэну, у нее не было привязанности к резиденции Наньань Хоу. Первоначальным намерением Линь Цинюй было позволить ей вернуться в резиденцию Гогуна, но она сама хотела остаться рядом с Линь Цинюй.

«Перед тем, как молодой мастер Хоу ушел, то он больше всего беспокоился о шаоцзюне. Хуа Лу пообещала молодому мастеру Хоу, что она будет всем сердцем служить шаоцзюню, и после его ухода она будет убеждать шаоцзюня хорошо питаться и хорошо спать. — Глаза Хуа Лу были красными, в них стояли слезы. — Я умоляю шаоцзюня взять Хуа Лу с собой!»

Линь Цинюй слегка усмехнулся. «Это он так сказал?»

Этот Цзян думал, что после его смерти он, Линь Цинюй, будет плохо есть и спать. Он действительно был слишком высокого мнения о себе.

Хуа Лу кивнула: «Шаоцзюнь, просто примите Хуа Лу, пожалуйста!»

Линь Цинюй сказал: «Завтра я пошлю кого-нибудь в резиденцию Гогуна, чтобы получить твой договор купли-продажи».

Хуа Лу была одновременно удивлена и обрадована: «Спасибо вам, шаоцзюнь!»

«Теперь ты стала членом резиденции Линь. С этого момента тебе нет необходимости называть меня „шаоцзюнем“».

Хуа Лу быстро-быстро закивала, воскликнув: «Спасибо, молодой господин!»

Перед отъездом Линь Цинюй, наконец, выказал немного уважения Наньань Хоу и отправился искать аудиенции, чтобы лично попрощаться с ним. Однако Наньань Хоу не желал его видеть.

Когда в прошлом году Линь Цинюй через брак вошел в резиденцию Хоу, Наньань Хоу все еще был правой рукой императора, возглавляя все Министерство финансов. Естественно, он пользовался уважением. Но всего за короткий год он превратился в бесполезного человека с копной седых волос и совершенно безразличным сердцем. Он даже не знал, что его семейная собственность была опустошена. Но даже если бы знал, что он мог сделать?

В конце концов, Линь Цинюй отправился в родовой зал семьи Лу и зажег шесть палочек благовоний для Лу Ваньчэна. Из них три палочки он зажег отдельно для этого человека.

Сделав это, Линь Цинюй покинул резиденцию Наньань Хоу, прихватив с собой десятки телег с имуществом, двухъярусную кровать и мемориальную табличку этого человека.

Выйдя за ворота, он обернулся и взглянул на торжественные ярко-красные ворота резиденции Хоу и на слова «Резиденция Лу», висящие высоко над ними.

Он не знал, сожалели ли Лян Ши, прежде чем она впала в безумие, и Наньань Хоу, когда он лежал в постели, выздоравливая, о том, что заставили его войти в резиденцию Наньань Хоу. Сожалели ли Лу Цяосун, прежде чем он умер, и Лу Нянтао, когда она проводила ночи в одиночестве, о том, что унизили его.

Это было только правильно, что они сожалеют. Ему нравилось видеть, как люди, обидевшие его, горько плачут, сожалея о своих поступках.

Покинув резиденцию Хоу, Линь Цинъюй не вернулся в резиденцию Линь. В глазах окружающих молодой мастер Хоу был мертв менее трех месяцев, его тело еще не успело остыть, и все же его супруга-мужчина уже выразил желание покинуть дом мужа. Он не только не соблюдал этикет вдовства, но и так откровенно появлялся на публике. Такое полное пренебрежение к этикету, неужели он не боялся, что посреди ночи ему явится покойный муж?

В столице усилились слухи о том, что супруга-мужчина - это неблагоприятно. Линь Цинъюй, возможно, и не волнуют эти слухи, но, в конце концов, он все равно должен был думать о родителях и младшем брате. Несмотря на то, что матушка Линь хотела, чтобы он вернулся в резиденцию Линь, он отказался.

Задолго до отправления на юг он попросил Чжан Шицюаня купить ему дом с внутренним двором в столице. Хотя это и не была какая-то грандиозная резиденция, ему было вполне достаточно для жизни. Дом находился не слишком далеко от Императорского дворца и резиденции Линь, и все в нем уже было на своих местах. Дом просто ожидал переезда хозяина. Все слуги были лично отобраны Чжан Шицюанем. Все они были честными, молчаливыми и способными в своей работе. Их прошлое также было очень чистым. Как только Линь Цинъюй вошел в дверь, управляющий заставил их всех в унисон закричать: «С возвращением домой, господин!»

Линь Цинъюй: «...Господин?»

Хуань Тун расхохотался и сказал: «Молодому господину в этом году всего девятнадцать. Почему вы называете его „господином“? Это заставляет его казаться старым».

Управляющий с улыбкой объяснил: «Хозяин отделился от семьи, и теперь он глава этого дома. Поэтому, естественно, он „господин“».

«Вам не нужно называть меня так, — сказал Линь Цинъюй. — Продолжайте обращаться ко мне, как и раньше».

Так что слуги просто изменили обращение к нему: «Да, молодой господин».

Линь Цинюй поместил мемориальную табличку некоего Цзян в зал с табличками предков и приказал своим слугам присматривать за ней; они должны были следить за тем, чтобы благовония горели утром, днем и ночью. Люди приходили и уходили, занятые наведением порядка. Он не уделял много внимания другим комнатам в резиденции, однако ему пришлось самому следить за обустройством кабинета и медицинской комнаты.

Линь Цинюй одну за другой ставил принесенные им книги на книжную полку. Хуань Тун подбежал к нему и спросил: «Молодой господин, куда нам поставить двухъярусную кровать?»

Линь Цинюй на некоторое время задумался и ответил: «Отнесите ее в кабинет».

В будущем, если ему не захочется возвращаться в спальню, он может провести ночь в кабинете. Он все еще не спал на нижней койке.

В это время Хуа Лу внесла горшок с зеленым бамбуком и пробормотала: «Уже март, а снег все еще идет...»

«Идет снег?» — спросив, Линь Цинюй сделал паузу и посмотрел в окно. И действительно, снаружи порхали снежинки.

В день переезда Линь Цинюй до поздней ночи прибирался в кабинете. Он решил просто провести ночь в кабинете. Он лежал на нижней койке, прислушиваясь к неясным звукам, ночная стража вдалеке отбивала часы: один медленный и три быстрых – это был уже Сыгэн*.

[Примечание: 子时 / sìgēng. Четвёртая ночная стража - время от 1 до 3 часов ночи.]

Этот день тоже прошел.

В конце прошлого года этот человек ушел в такую же снежную ночь, как эта. Сегодня прошло семьдесят дней.

Линь Цинюй поднял руку и коснулся доски верхней койки – Цзян хотел, чтобы он хорошо спал, но как он мог спать в такую снежную ночь?

Если бы Цзян был все еще жив, он, вероятно, спал бы лучше, чем кто-либо другой.

К счастью, как только этот снегопад закончится, зима действительно подойдет к концу.

Последний снег этой зимы падал целых три дня. Линь Цинюй, одетый в официальную форму

медицинского чиновника седьмого класса, шел по снегу внутри дворцовых стен.

Впереди него шел маленький евнух с тонкими и миловидными чертами лица. Прошло совсем немного времени с тех пор, как этот маленький евнух занял свой пост. Это был его первый раз, когда он видел такого красивого лекаря, и он постоянно оглядывался назад.

Официальная форма Даюй была в основном темного цвета. У этого императорского лекаря Линь была стройная фигура и волшебной красоты лицо. Одетый в официальную форму цвета индиго, он выглядел даже лучше, чем дамы в гареме.

Они вдвоем неторопливо шли, когда маленький евнух вдруг услышал, как прекрасный лекарь окликнул его: «Гун-Гун».

Маленький евнух подумал, что его застали за подглядыванием, и виновато спросил: «Вам что-нибудь нужно, императорский лекарь Линь?»

Линь Цинью спросил: «Далеко ли отсюда Восточный дворец?»

«Недалеко. — Маленький евнух сказал: — Нужно идти вперед и повернуть налево. Пройтись половину палочки благовоний, и вы будете там».

Линь Цинью кивнул и сказал: «Спасибо, Гун-Гун».

Щеки маленького евнуха слегка покраснели. «Императорский лекарь Линь очень вежлив».

Даюй придавал большое значение медицине. Императорская медицинская канцелярия и Императорская академия имели равный статус и располагались по обеим сторонам к северо-западу от дворца. Правительственные учреждения и дворец были разделены только стеной. После того как студенты Императорской медицинской канцелярии завершат свое обучение, они смогут пройти через эту стену и стать императорскими лекарями во дворце. Линь Цинью пропустил этот шаг и стал лекарем седьмого класса Императорской лечебницы, полагаясь на рецепт лекарства от эпидемии.

Маленький евнух остановился и сказал: «Императорский лекарь Линь, мы прибыли в Императорскую лечебницу».

Линь Цинью посмотрел на сверкающие золотом слова «Императорская лечебница». Его сердце наполнилось небывалым спокойствием.

Наконец-то он был здесь.

Идя на восток от Императорской лечебницы палочку благовоний, можно было оказаться во

дворце Циньчжэн, где император занимался государственными делами и недолго отдыхал. В данный момент во дворце Циньчжэн император обсуждал со старшими министрами и наследным принцем отставку Гу Фучжоу.

«Гу Фучжоу прислал десять докладов* подряд, прося меня разрешить ему немедленно вернуться в столицу, как будто пребывание в Юнляне еще хоть на один день убило бы его. По словам Чжао Минвэя, он не спал большую часть ночи, старательно сочиняя эти письма! — Император побагровел от гнева, говоря: — Этот Гу Фучжоу, который раньше дорожил словами, как золотом, теперь пишет так много слов. Чего он добивается?!»

[Примечание: 摺 / zòuběn. Стар. письменный доклад трону. Докладывать императору.]

Сказав это, император взмахнул рукой и сбросил все отчеты на столе дракона* на пол.

[Примечание: Причудливый способ обращения к столу императора; «что-то дракона» — это в основном «что-то императора».]

Министры опустились на колени и сказали: «Пожалуйста, успокойте свой гнев, Ваше величество».

Сяо Чэн опустился на колени вместе с ними. На полу был беспорядок. Он увидел, как несколько свитков развернулись. В конце каждого отчета было написано: «Ваш верный слуга желает скорейшего возвращения».

<http://bllate.org/book/15122/1336662>